

Житие преподобной Марфы Дивеевской

Преподобная мать наша Марфа (в миру Мария Симеоновна Милюкова) родилась в 1810 году 10/23 февраля в деревне Погиблово (ныне Малиновка) Ардатовского уезда Нижегородской губернии в крестьянской семье, отличавшейся праведной и богоугодной жизнью. В семье Милюковых, кроме младшей Марии, было еще двое детей: Прасковья и Иван. Прасковья Симеоновна по благословению преподобного Серафима Саровского поступила в Дивеевскую общину, основанную матушкой Александрой, и стала сестрой высокой духовной жизни. 21 ноября 1823 года, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы, в Саров к батюшке Серафиму впервые пришла вместе с Прасковьей 13-летняя Мария. По выражению Прасковьи Симеоновны, сестра «увязалась» за нею. Великий старец, провидя, что девочка является избранным сосудом благодати Божией, не позволил ей возвратиться домой, а повелел остаться в Дивеевской общине. Так Мария Симеоновна поступила в число избранных Серафимовых сирот в общину матушки Александры. Начальницей общины в то время была старица Ксения Михайловна Кочеулова, которую батюшка Серафим называл «огненным столпом от земли до неба» и «терпугом духовным» за ее праведную жизнь.

Мария — необыкновенная отроковица, ни с кем несравнимое, ангелоподобное дитя Божие — с ранних лет начала вести подвижническую жизнь, превосходя по суровости подвигов старших сестер общины,

отличавшихся строгостью жизни. Непрестанная молитва была ее пищей, и только на необходимые вопросы она отвечала с небесной кротостью. Мария была почти молчальницей, и батюшка Серафим особенно нежно любил ее и посвящал во все откровения о будущей славе обители и в другие великие духовные тайны, заповедуя не говорить о них до времени, что и выполняла она свято, невзирая на мольбы и просьбы сестер и родных. Когда Мария возвращалась от преподобного Серафима, то вся сияла радостью.

Вскоре после поступления Марии в общину при Казанской церкви Царица Небесная благоволила создать рядом с этой общиной новую, обетованную обитель Ее Четвертого Вселенского жребия на земле. Как уже упоминалось, с 1825 года к отцу Серафиму начали приходить за благословением сперва сестры, а потом и сама начальница Дивеевской общины Ксения Михайловна, которая, хотя и глубоко уважала, и высоко почитала батюшку, но, однако, не согласилась изменить устав своей общины, который казался тяжелым как отцу Серафиму, так и спасавшимся в общине сестрам. «Послушайся меня, радость моя!» — говорил преподобный, но непоколебимая старица ответила ему: «Нет, батюшка, пусть будет по-старому. Нас уже устроил отец строитель Пахомий». Тогда отец Серафим отпустил начальницу Дивеевской общины с мыслью, что не пришел еще час воли Божией для исполнения завета, данного ему великой старицей Александрой. Но в том же году, 25 ноября, в день святых угодников Божиих Климента, папы Римского,

и Петра Александрийского, пробираясь сквозь чащу леса по берегу реки Саровки к своей Дальней пустыньке, преподобный Серафим увидел Божию Матерь и стоявших позади Нее святых апостолов Петра и Иоанна Богослова. Царица Небесная, ударив по земле жезлом так, что забил источник фонтаном светлой воды, сказала: «Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафии — монахини Александры? Ксению с сестрами ее оставь, а заповедь сей рабы Моей не только не оставляй, но и потщись вполне исполнить ее: ибо по воле Моей она дала тебе оную. А Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве, и на нем устрой эту обетованную Мною обитель Мою. А в память обетования, данного ей Мною, возьми с места кончины ее из общины Ксении восемь сестер». И назвала имена сестер, которых следовало взять.

Через две недели после этого явления Царицы Небесной, 9 декабря 1825 года Мария вместе с сестрой общины Прасковьей Степановной пришла к преподобному Серафиму, и батюшка объявил им, что они должны идти с ним в Дальнюю пустыньку. Придя туда и зайдя в хижину, отец Серафим подал сестрам две зажженные восковые свечи и велел Марии стать с правой стороны распятия, висевшего на стене, а Прасковье — с левой. Так они стояли более часа с зажженными свечами, а батюшка Серафим, стоя посередине, молился. Помолясь, он приложился к распятию и им велел помолиться и приложиться. Это таинственное моление с сестрами, которых избрала

Матерь Божия на особое служение Себе и обители, Преподобный совершил перед началом основания новой общины.

В течение четырех лет подвизалась Мария, помогая преподобному Серафиму и сестрам в устройении новой обители. Вместе с ним и сестрами она заготавливала лес и столбы для мельницы, которую Матерь Божия благословила построить на месте основания новой общины; носила камни для строительства церкви Рождества Пресвятой Богородицы, молола муку и выполняла другие послушания. Эта чудная отроковица была наделена от Господа весьма редким даром чистой сердечной молитвы, которую никогда не оставляла и творила непрестанно, «вознося свой горящий дух ко Господу».

Мария всегда находилась под духовным руководством преподобного Серафима. Примером ее безусловного послушания может служить рассказ о том, как однажды на вопрос родной сестры Прасковьи Симеоновны о каком-то Саровском монахе Мария удивленно и ребячески наивно спросила: «А какие видом-то монахи, Параша? На батюшку, что ли, похожи?» Удивленная в свою очередь вопросом сестры, Прасковья Симеоновна ответила: «Ведь ты так часто ходишь в Саров, разве не видела? Что спрашиваешь?» — «Нет, Парашенька, — смиренно сказала Мария Симеоновна, — ведь я ничего не вижу и не знаю: батюшка Серафим мне приказал никогда не глядеть на них, и я так повязываю платок на глаза, чтобы только видеть у себя под ногами дорогу». Вот какова была эта ребенок-подвижница, прожившая в

обители всего шесть лет и в 19 лет от рождения мирно и тихо отошедшая ко Господу.

Дивеевская обитель лишилась этой чудной, святой жизни, отроковицы Марии Симеоновны Милюковой — схимонахини Марфы — 21 августа/3 сентября 1829 года. Предузнав духом час ее кончины,

преподобный Серафим вдруг заплакал и с величайшей скорбью сказал отцу Павлу, своему соседу по келии: «Павел! А ведь Мария-то отошла, и так мне ее жаль, так жаль, что, видишь, все плачу!» Батюшка Серафим пожелал дать ей от себя дубовый, круглый, выдолбленный гроб, за которым поехала в Саров Прасковья Симеоновна с еще одной дивеевской сестрой Акулиной Васильевной.

Прасковья Симеоновна была очень огорчена, и батюшка принял ее отечески, обласкал и приободрил. Затем, сложив вместе руки Прасковьи Симеоновны и Акулины Васильевны, сказал: «Вы будете теперь родные сестры, а я ваш отец, духом вас породил!

Мария же — схимонахиня Марфа, я ее посхимил! У нее все есть: схима и мантия, и камилавочка моя — во всем этом ее и положите! А вы не унывайте, матушка, — произнес преподобный, обратясь к Прасковье Симеоновне, — ее душа в Царствии Небесном и близ Святыя Троицы у Престола Божия, и весь род ваш по ней спасен будет!» Батюшка Серафим дал 25 рублей на расходы, связанные с похоронами, и 25 рублей меди для того, чтобы оделить всех сестер и мирских, кто бы ни находился при погребении ее, по 3 копейки каждому. Дал также два полотенца за престол, колоток желтых свеч на

сорокоуст, чтобы день и ночь горели в церкви, ко гробу рублевую желтую свечу и на похороны с полпуда белых двадцатикопеечных свеч.

По благословению преподобного Серафима схимонахиню Марфу положили в гроб в двух свитках (рубашках), в бумажном подряснике, подпоясанную шерстяной черной покрывкой, поверх сего в черной с белыми крестами схиме и длинной мантии. На голову надели зеленую бархатную, вышитую золотом шапочку, поверх нее камилавку батюшки Серафима и еще повязали большим драдедамовым темно-синим платком с кисточками. В руки вложили кожаные четочки. Все эти вещи дал Марии батюшка Серафим из своих рук, приказав всегда ходить в них к причастию Святых Таин, что и исполнялось ею в точности каждый двенадесятый праздник и во все четыре поста.

Преподобный Серафим всех, кто приходил к нему в эти дни, посылал в Дивеево на похороны Марии Симеоновны. Так, ничего не зная о ее смерти сестрам, работавшим в лесной местности на берегу реки Сатис, Варваре Ильинишне и другим, старец сказал: «Радости вы мои! Скорее, скорее грядите в Дивеев: там отошла ко Господу великая раба Божия Мария!» Сестры не могли понять, какая Мария скончалась, и удивились, увидя в гробу Марию Симеоновну. Также Екатерину Егоровну и Анну Алексеевну, собиравших ягоды в саровском лесу, и других сестер батюшка посылал скорее домой, говоря, что кто будет на погребении Марии Симеоновны, тот получит отпущение грехов. Даже саровских монахов и

целую толпу народа, пришедшую к нему, отец Серафим послал на погребение, приказав мирским девицам и сестрам приодеться, расчесать волосы и припасть к ее гробу.

Во время отпевания старица Прасковья Симеоновна, родная сестра покойной схимонахини Марфы, явно увидела в Царских вратах Царицу Небесную и Марию Симеоновну, стоящих на воздухе. В восторге она громко, на всю церковь закричала: «Царица, не остави нас!», и после этого начала юродствовать, пророчествовать, говорить окружающим необыкновенные вещи, раздавать свои одежды; потом сразу сильно ослабела. Вдруг закричали, зашумели бесы. Это происшествие сильно повлияло на собравшихся. Когда старица Акулина Васильевна после похорон поспешила к батюшке Серафиму и рассказала о случившемся, он произнес: «Это, матушка, Господь и Царица Небесная захотели прославить мать нашу Марфу, госпожу Марию. А если бы я, убогий Серафим, был на погребении ее, то от духа ее было бы многим исцеление!»

Затем к батюшке прибыл родной брат Марии Симеоновны Иван, ездивший на похороны сестры, и спросил, выздоровеет ли заболевшая после видения Прасковья Симеоновна. Зорко осмотрев знакомого ему Ивана Симеоновича, батюшка вдруг сказал: «Да разве ты брат Марии?» — «Да, батюшка», — ответил он. И еще раз посмотрев на него, преподобный спросил: «Ты родной брат Марии?» — «Да, батюшка», — опять ответил Иван Симеонович. После этого старец долго-долго размышлял и, еще раз пристально

взглянув на стоявшего перед ним Ивана, вдруг сделался так радостен и светел, что от лица его как бы исходили солнечные лучи, и Иван должен был закрываться от отца Серафима, будучи не в состоянии смотреть на него. Затем батюшка воскликнул: «Вот, радость моя! Какой она милости сподобилась от Господа! В Царствии Небесном у Престола Божия, близ Царицы Небесной со святыми девами предстоит! Она за весь ваш род молитвенница! Она схимонахиня Марфа, я ее постриг. Бывая в Дивееве, никогда не проходи мимо, а припадай к могилке, говоря: „Госпоже и мати наша Марфо, помяни нас у Престола Божия во Царствии Небесном!”» Преподобный Серафим беседовал с Иваном Симеоновичем около трех часов.

Схимонахиня Марфа была погребена слева от могилы матушки Александры, первоначальницы Казанской общинки. Вскоре после похорон преподобный вызвал к себе церковницу Ксению Васильевну Путкову (впоследствии монахиню Капитолину), которой всегда приказывал записывать разные имена для поминовения, и сказал ей: «Во, матушка, запиши ты ее, Марию-то, монахиню, потому что она своими делами и молитвами убогого Серафима там удостоилась схимы! Молитесь же и вы все о ней как о схимонахине Марфе!»

По свидетельству сестер и лиц, близких к Дивееву, Мария Симеоновна была высокого роста и приятной наружности: продолговатое, белое и свежее лицо, голубые глаза, густые светло-русые брови и волосы. По воспоминаниям монахини Дивеевского монастыря

Серафимы Булгаковой, до разгона 1927 года в обители хранился портрет схимонахини Марфы, написанный сестрами сразу же после ее смерти. По свидетельству протоиерея Стефана Ляшевского, кроме этого портрета существовал написанный его матушкой Капитолиной Захаровной Ляшевской (впоследствии монахиней Марией) житийный образ схимонахини Марфы. В настоящее время местонахождение портрета неизвестно; житийный образ находится за границей.

Из рассказов стариц о Марии Симеоновне известно немного. Так, Мария Иларионовна (монахиня Мелитина) свидетельствовала: «Живя в миру и слыша от всех о батюшке Серафиме, я пожелала быть в Сарове и принять его благословение. Первым делом, как пришла в Саров, пошла к батюшке в его пустыньку; он сам вышел ко мне навстречу, благословил и с улыбкой говорит: „Ты, матушка, знаешь ли Марию Симеоновну?“ „Знаю, — говорю, — батюшка; она через три двора жила от нас“. ..Вот, матушка, — продолжал батюшка, — я тебе про нее скажу, как она ревнива была к

трудам. Когда в Дивееве строили церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, то девушки сами носили камушки, кто по два, кто по три, а она-то, матушка, наберет пять или шесть камешков-то и с молитвой на устах, молча возносила свой горящий дух ко Господу! Скоро с больным животиком и преставилась Богу!»

Старшая сестра Мельничной общины Прасковья

Степановна, рассказывая, как страшно было послушаться отца Серафима, вспоминала, как однажды батюшка приказал ей, чтобы она приехала к нему с отроковицей Марией Симеоновной на двух лошадях за бревнами. Они поехали к отцу Серафиму в лес, где он их уже дожидался, приготовив на каждую лошадь по два тоненьких бревнышка. Думая, что все четыре бревна может свезти одна лошадь, сестры переложили дорогою эти бревнышки на одну, а на другую лошадь взвалили большое, толстое бревно. Но лишь тронулись они с места, как лошадь эта упала, захрипела и начала околевать. Сознывая себя виновными в том, что нарушили благословение батюшки, они, тут же упав на колени, в слезах заочно стали просить прощения, а затем скинули толстое бревно и разложили бревнышки по-прежнему. Лошадь сама вскочила и так скоро побежала, что они едва-едва могли догнать ее.

Из рукописной страницы, найденной в келии схимонахини Маргариты Лахтионовой, через поколения дивеевских сестер до нас дошли слова схимонахини Марфы, записанные старицей Иустинией Ивановной (впоследствии монахиней Иларией): «Схимонахиня Мария Симеоновна вывела меня к церкви Казанской и, показывая на все это место, говорила (предвидя свою раннюю кончину) мне и другим сестрам: „Вот, помните, церковь эта будет наша и священники тут жить не будут, приходская же церковь будет выстроена на другом месте, там будут жить и священники, а тут будет, как говорит батюшка Серафим, Лавра, а где Канавка, там

будет Киновия: „Все это место освящено подвигами матушки Агафии Симеоновны, а какой, радость моя, собор-то это будет, наподобие Иерусалимского, и в этот храм войдет и теперешняя-то церковь, и останется лишь как ядрышком!” Землю с обеих сторон нашей Рождественской церкви приказывал загородить батюшка, говоря: „Тут стопочки Царицы Небесной, эта земля святая. Мать Божия обходила Свою церковь! Не ходите по этой земле, матушка, а загородите ее, и даже скотинке не позволяйте ходить тут. А травку-то полите, да и то к себе в обитель унесите с этого места, а так не кидайте, травка-то святая, тут стопочки Царицы Небесной прошли!” Вот поэтому-то и загорожено у нас это с обеих сторон Рождественской церкви место и мы все это храним всегда». Иустиния Ивановна вспоминала, что «покойную сестру нашу Марию Симеоновну, высокой жизни, особо против всех любил батюшка Серафим. Он говорил и предсказывал ей об обители многое, по большей части запрещая кому-либо рассказывать, но некоторое завещал ей помнить и передать мне, грешнице. По благословию же батюшки Серафима говорила она мне: „Батюшка Серафим сказал, что кладбищенская церковь у нас будет во имя Преображения Господня, запомни!” А я на это возразила ей, что ведь на кладбищах, кажется, всегда строятся церкви Всем святым. „Так, — ответила она, — но батюшка Серафим сказал, что престол Всех святых будет еще ранее устроен“. (Впоследствии предсказание сбылось: в 1847 году в церкви в честь Тихвинской иконы Божией Матери был устроен

придел во имя Всех святых, а кладбищенская церковь была воздвигнута позднее, в 1855 году, во имя Преображения Господня). А о стесненных средствах обители батюшка всегда говорил ей: „Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это не полезно; я мог бы и золу превратить в золото, но не хочу; у вас многое не умножится, а малое не умалится! В последнее время будет у вас и изобилие во всем, но тогда уже будет и конец всему!”»

По словам преподобного Серафима, преставившаяся ко Господу девятнадцатилетняя подвижница схимонахиня Марфа была назначена начальницей над дивеевскими сиротами в Царствии Небесном, в обители Божией Матери, о чем преподобный сказал старице Евдокии Ефремовне так: «У Господа двенадцать апостолов, у Царицы Небесной двенадцать дев, так и вас двенадцать у меня. Как Господь избрал Екатерину-мученицу Себе в невесты, так и я из двенадцати дев избрал себе в невесты в будущем Марию. И там она над вами будет старшей!» Также преподобный Серафим сказал о том, что со временем мощи схимонахини Марфы будут открыто почивать в обители, ибо она так угодила Господу, что удостоилась нетления. При этом батюшка Серафим замечал: «Во, матушка, как важно послушание! Вот Мария-то на что молчалива была и токмо от радости, любя обитель, преступила заповедь мою и рассказала малое, а все же за то при вскрытии мощей ее в будущем предадутся тлению одни только уста ее!» Впоследствии сестра преподобной Марфы Прасковья

Симеоновна по выбору сестер некоторое время была начальницей Мельничной общины. В конце жизни, в 1861 году, в смутные для обители времена она стала юродствовать, на что ранее благословлял ее преподобный Серафим. В 1850-х годах в Саровской пустыни она удостоилась видения Божией Матери и преподобного. Царица Небесная сказала ей: «Ты выправь дела Моей обители, настой в правде, обличи!» Как ни отказывалась Прасковья Симеоновна, ссылаясь на свое недостоинство и неграмотность, Богоматерь трижды повторила ей Свое приказание. За послушание Царице Небесной и батюшке Серафиму она безбоязненно обличала творивших дела неправды в обители, начиная с архиерея, и по дару прозорливости предрекла дальнейший ход событий и восстановление справедливости. Как и предсказывал преподобный Серафим, Прасковья Симеоновна вскоре после этого мирно скончалась — 1/14 июня 1862 года, на праздник Вознесения Господня, после соборования, причащения Святых Таин и прочтения над нею отходной.

Брат Марии Симеоновны и Прасковьи Симеоновны Милюковых, Иван Симеонович, окончил жизнь в монашеском чине в Саровской пустыни. Имея послушание привратника в Сарове, он рассказывал: «Будучи мирским крестьянином, я часто работал у батюшки Серафима, и много-много чудного он мне предсказывал о Дивееве и всегда говорил: „Если кто моих сирот-девушек обидит, тот велие получит от Господа наказание; а кто заступит за них и в нужде защитит и поможет, изольется на того велия милость

Божия свыше. Кто даже сердцем воздохнет да пожалеет их, и того Господь наградит. И скажу тебе, батюшка, помни: счастлив всяк, кто у убогого Серафима в Дивееве пробудет сутки, от утра и до утра, ибо Мать Божия, Царица Небесная, каждые сутки посещает Дивеево!» Помня заповедь батюшкину, — добавлял привратник, — я всегда это говорил и всем говорю».

Три дочери Ивана Симеоновича поступили в Дивеевскую общину. Одна из них, Елена Ивановна, вышла замуж за духовного друга преподобного Серафима Николая Александровича Мотовилова и была для обители благодетельницей и «великой госпожой», как называл ее батюшка Серафим, когда она была еще ребенком, приказывая сестрам кланяться ей, маленькой девочке, в ноги. Елена Ивановна была единственной из присутствовавших на погребении преподобного Серафима в 1833 году и доживших до его прославления в 1903 году. Овдовев, последние годы жизни она провела в Дивееве. Умерла Елена Ивановна в преклонном возрасте в 1910 году; перед смертью была тайно пострижена в монашество. В монастыре было много сестер из рода Милюковых вплоть до закрытия обители в 1927 году.

В 2000 году схимонахиня Марфа была причислена к лику местночтимых святых Нижегородской епархии, в 2004 году Архиерейский собор благословил ее общецерковное почитание. Ныне ее честные мощи почивают в храме Рождества Пресвятой Богородицы Казанской церкви Серафимо-Дивеевского монастыря.

Преподобная мати наша Марфо моли Бога о нас!

(Текст взят из книги «Жития святых, новомучеников и исповедников Земли Нижегородской», авторы архимандрит Тихон (Затекин), О.В. Дегтева).
